

— СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

С Е Р Д Ц Е

Б О Й Щ А

нравственной чистоты и партийной принципиальности, преимущественности революционных традиций в романах «Братья Ершовы», «Угол падения», «Секретарь обкома», в неоконченном романе «Молнии бьют по вершинам».

И исторический, и современный материал были для писателя плацдармом для борьбы за будущее. Борьбу эту он вел страстно, горячо, самозабвенно, порой допуская и опозаженные полемические перехлесты, кое-что спрямляя, где-то недостаточно прорабатывая художественную ткань. Но отдельные просчеты не могут умалять значения сделанного им в нашей литературе, влияния его творчества на многих писателей.

Еще так недавно миллионы читателей с нетерпением ждали появления нового романа Всеволода Кочетова. И когда роман выходил в свет, начинались бурные дискуссии. Их жаркое дыхание, кажется, еще реет в воздухе, но ход времени, увы, неодолим, и часто то, что еще вчера и позавчера было предметом острых споров, вопросом повестки дня, темой читательских конференций, сегодня становится страницей давно изданной книги, записью в старом блокноте, эпизодом мемуаров...

Строго, пожалуй, даже беспощадна критика временем. И теперь, спустя восемь лет после смерти писателя, чье творчество волновало умы и сердца современников на протяжении более чем двадцати лет, можно с уверенностью утверждать: оно осталось и останется с читателем как волнующее свидетельство героической и такой непростой эпохи, запечатлевшее и славные победы, и горькие неудачи, а главное — неповторимые характеры людей, сформированных своим временем.

За свой четвертьвековой путь в литературе Всеволод Кочетов написал много. А если вспомнить, что он писательское творчество сочетал с ответственной редакторской работой и разносторонней общественной деятельностью, приходится поражаться его редкой целеустремленности и работоспособности. Восемь романов, четыре повести, несколько документальных книг, сотни очерков, публицистических и критических статей — таков впечатляющий итог его творческого пути. Этот «арифметический» итог дает представление о количестве написанного. О популярности же книг Всеволода Кочетова можно судить хотя бы по тому факту, что лишь всезнающие библиографы Всесоюзной книжной палаты в состоянии определить число переизданий «Журбиных», «Братьев Ершовых», «Молодости с нами», «Угла падения» — не проходит и двух-трех лет, как в одном из центральных или местных издательств вновь выходят эти романы.

В чем главный секрет того, что эти произведения, созданные пятнадцать, двадцать, тридцать лет назад, до сих пор живо волнуют читателей? В том, что силой своего таланта писатель из множества жизненных проблем выбирал такие, значение которых выходило за пределы своего времени, имело длительную социальную перспективу. Вспомним, как решительно борется Антон Журбин за принципиальные новшества на производстве. Смысл борьбы Антона и его единомышленников гораздо шире замены клепки сваркой. «Нам надо тройное увеличение программ», — говорит Антон Журбин, — и никакими сверхурочными, никакой мускульной силой этого увеличения не достигнуть». Он призывает к внедрению того, что позднее будет названо научной организацией труда.

С той же устремленностью в будущее ставятся и решаются проблема связи науки с производством в романе «Молодость с нами», проблемы идейно-

Вряд ли можно переоценить и его роль в литературном процессе пятидесяти — семидесяти годов. Писатели разных поколений, разных творческих индивидуальностей с уважением и доверием относились к его мнению и профессиональным советам. Особенно заботливо, я бы сказал, любовно относился Всеволод Кочетов к молодым писателям. Нам, тогдашним сотрудникам редакции «Октября», он не прощал ни малейших признаков равнодушия, да что равнодушия — «неэнтузиастического», как он любил говорить, отношения к рукописям и даже замыслам молодых авторов. Что греха таить, в своих ожиданиях и надеждах он нередко обманывался. Зато не было для него радости большей, чем заслуженный успех того молодого литератора, в чей талант он верил. Он не раз на память цитировал строки из толькочто прочитанной рукописи поэмы Егора Исаева «Суд памяти», много энергии вложил в пропаганду этого произведения, которое он одним из первых оценил чрезвычайно высоко. Терпеливо, вдумчиво, бережно помогал Всеволод Кочетов Анатолию Ананьеву уточнить историко-философскую концепцию, найти оптимальное звучание сложного по замыслу и материалу романа «Межа», напечатанного в «Октябре».

Весьма значительное влияние оказал Всеволод Кочетов на творческую судьбу таких ныне широко известных писателей, как Сергей Викулов, Владимир Санин, Владимир Фирсов, Феликс Чуев, большую поддержку, о чем, кстати, знают очень немногие, оказал Всеволод Кочетов Василию Шукшину и Николаю Рубцову.

Этот писатель, этот человек не мыслил свою жизнь, свое творчество без тесного, кипучего общения со множеством людей — друзей, товарищей по перу, единомышленников, которые так же, как и он, свято, подвижнически относились к своему делу, к общественному долгу, к служению искусству... И не случайно среди авторов первой книги воспоминаний о Всеволоде Кочетове, выпущенной Лениздатом, наряду с писателями мы встречаем артистов и маршала, композитора и рабочего, художника и журналистов — таков был круг общения, круг интересов, словом, круг жизни Всеволода Кочетова.

Он с большим достоинством представлял советскую литературу за рубежом, непреклонно отстаивая наши идеалы, пропагандируя советский образ жизни. И всегда делал это умело, находчиво, остроумно, что вынуждены были признавать даже наши идеологические противники, встречавшиеся с ним и у нас в стране, и за границей.

«Кому отдано сердце» — так назвал Всеволод Кочетов одну из своих статей, а впоследствии и книгу публицистики. Страницы этой книги, как и каждая из страниц, написанных рукой писателя-бойца, — признание в любви и преданности родной стране, родному народу, которым он верно служил до последнего вздоха.

Юрий ИДАШКИН.